

Чжоу Инь очнулся в постели. Под ним была мягкая перина, из курильницы тонкой струйкой тянулся ароматный дым. За окном изредка щебетали птицы, но в самой комнате царил абсолютный покой — такой глубокий, словно недавняя жестокая схватка была лишь игрой его воображения.

Он ощупал себя. На нём было всё то же одеяние, изорванное и насквозь пропитанное кровью после яростного сражения. Однако терзавшая грудь боль — там, где его насквозь пронзил Меч Духовного Сокрытия, — бесследно исчезла. Кожа оказалась совершенно гладкой, без малейшего намёка на рубец. Даже шея, которую стягивала шёлковая лента, больше не ныла.

Меч Духовного Сокрытия вновь обратился нефритовой шпилькой, привычно венчавшей его причёску. Духовная сила в меридианах бурлила, не встречая препятствий, — Чжоу Инь чувствовал себя так же хорошо, как и до ранения.

Вот только Чжоу Чэня рядом не оказалось.

Чжоу Инь спустил ноги с постели и обулся. В этот момент дверь отворилась, и на пороге показался слуга.

— Ох, молодой господин, наконец-то вы очнулись! — угодливо улыбаясь, защебетал тот. — Вы ведь без чувств целых три дня пролежали!

Трактирный слуга водрузил на стол умывальный таз, выжал полотенце и почтительно протянул постояльцу.

— Где мы? — спросил Чжоу Инь.

Он огляделся — убранство комнаты казалось смутно знакомым.

— Так на постоялом дворе Семьи Сянь, что в городе Линчжоу! — улыбнулся парень. — Неужто позабыли? Вы же с друзьями у нас раньше останавливались.

Чжоу Инь вспомнил. Действительно, именно здесь они жили вместе со старейшинами Чэнь Чжуном и У Фэном, а также Чэнь Юаньчжи. Вот только комната была другой.

— Что произошло? — спросил Чжоу Инь.

Лицо слуги так и просияло от возбуждения, он так и зацокал языком:

— О-о, молодой господин, кабы вы только видели! Когда вы, почтенные мастера, затеяли ту страшную битву, мы от страха носа наружу не казали. Но потом в небе над Линчжоу вдруг явилась огромная златокрылая птица! Она долго кружила над городом. Как расправила крылья — батюшки, да они пошире будут, чем все усадьбы нашего уездного судьи, вместе взятые! Перья сияют золотом, переливаются пятью цветами — красота неопишуемая, истинное чудо! Сам-то я не видел, врать не стану, но вот товарищ мой, парень не из пугливых, наружу выскочил и всё приметил. Эта божественная птица сделала круг, а потом ка-а-ак дохнёт пламенем! Всё вокруг полыхнуло, дома занялись... Товарищ сказывал, вас тогда окутало какое-то красное сияние — уж не знаю, что за магия, — и огонь вас даже не опалил. А как птица скрылась из виду, мы наконец осмелились подойти. Глядь — а там вы лежите без чувств!

— И больше никого живого не осталось? — уточнил Чжоу Инь.

— Да как сказать... Найти-то нашли, только все они насмерть обгорели. Лежали чёрные, точно угли, лица и вовсе не разобрать.

Слушая сбивчивый рассказ парня, Чжоу Инь пытался восстановить картину случившегося.

Перед тем как провалиться в беспамятство, он действительно успел заметить в вышине ослепительный золотой сполох.

Чэнь Юаньчжи и старейшина Чэнь Чжун погибли ещё во время боя. Глава секты Чжао Инчи получила сокрушительный удар Кистью Омовения Небес — если не умерла на месте, то наверняка была смертельно ранена. Живыми к концу схватки оставались разве что люди из Секты Радостного Единения.

Возможно, все они сгорели дотла, а возможно, кто-то и сумел спастись. Но что касается его самого... он исцелился полностью.

Чжоу Инь коснулся пальцами виска. Произошедшее оставляло слишком много вопросов, на которые у него не было ответов.

Была ли эта загадочная птица самим Чжоу Чэнем? Или это его сородич, который пролетал мимо, почуял веяние опасности и забрал глупого зверька с собой? А если нет, то куда подевался пушистый малец?

Разгадать эту загадку Чжоу Инь сейчас не мог. Расспрашивать слугу тоже было бесполезно: тот лишь разводил руками да мотал головой.

— Ступай, — Чжоу Инь бросил слуге серебряный слиток. — Купи мне новое одеяние. Сдачу оставь себе.

Парень так и просиял от счастья. Неловко поймав летящее серебро, он принялся без умолку

кланяться и благодарить, после чего поспешно вымелся из комнаты.

Обычные смертные всегда бежали без оглядки от дерущихся заклинателей, да и уездные власти в таких случаях предпочитали притворяться глухими и слепыми. На месте побоища полегло сразу несколько мастеров, и в живых остался один лишь Чжоу Инь. Поначалу слуга недоумевал, зачем хозяин постоянного двора велел перенести раненого к ним и выходить его, но теперь всё встало на свои места. Дальновидности хозяина можно было только позавидовать.

Зная крутой нрав бессмертных господ, легко было представить худшее: очнись такой посреди пепелища, он бы из чистой злости камня на камне от их таверны не оставил. А вот если перенести его в тепло, окружить заботой да ублажить — глядишь, и перепадёт щедрая горсть серебра, как сейчас. Истинное благословение небес!

Чжоу Инь не догадывался о корыстных мыслях слуги. Его внимание привлекло кольцо Сумеру на пальце.

На тёмном ободке виднелись бурые пятна — запёкшаяся кровь, вытекшая из его раны на груди.

В пространстве кольца по-прежнему хранилась Кисть Омовения Небес. А рядом с ней лежал ещё один предмет.

Нефритовый Носорог.

Священное сокровище Школы Меча Зеркального Моря, ради которого старейшины Секты Радостного Единения плели интриги и шли на верную смерть, теперь безраздельно принадлежало ему.

«Что же всё-таки произошло, пока я лежал без чувств?»

Эта реликвия некогда принадлежала Бессмертному меча Сюаньину, однако сотворил её вовсе не он. Истинное происхождение артефакта терялось в глубине веков, и сменявшие друг друга главы Школы Меча Зеркального Моря оберегали его лишь повинаясь заветам предков.

Кабы Нефритовый Носорог умел лишь исцелять яды, Обитель Древней Зелени и Секта Радостного Единения не стали бы драться за него не на жизнь, а на смерть, устилая путь трупами своих лучших учеников. Здесь явно крылось нечто большее.

И где теперь Чжоу Чэнь?..

— Молодой господин! Молодой господин, я вернулся!

Дождавшись дозволения, слуга вошёл и бережно разложил на стуле новые вещи.

— Не знал, какому цвету вы отдаёте предпочтение, а потому взял сразу два одеяния, на выбор. Прикиньте, какое больше глянется.

— Знаешь ли ты, есть ли поблизости рынок для заклинателей? — спросил Чжоу Инь.

— Как не знать, есть, конечно! — закивал слуга. — На востоке города, у самых ворот. Свернёте в переулок Семьи Лю, там и будет. Каждое первое и пятнадцатое число месяца там раскидывается торжище, где благородные господа бессмертные обмениваются всякой всячиной. Сегодня как раз пятнадцатый день луны, повезло вам! Вот только при свете солнца туда соваться без толку, пустые ряды стоять будут. Собираются все глубокой ночью, когда кругом гасят огни, — аккурат в час Свиньи начинают, а к часу Быка уже расходятся. Сам-то я там отродясь не бывал, только от людей слышал, так что за точность времени не ручаюсь.

На Континенте Первозданного Начала обычные люди расплачивались звонкой монетой, в то время как заклинатели признавали лишь духовные камни. Однако смертных в мире было несравнимо больше, и во время странствий благородные мужи нередко оказывались в затруднительном положении: камни заканчивались, редкие снадобья иссякали, а раздобыть подходящее оружие или редкую траву было негде. Для таких нужд и основывали особые торговые места. В любом государстве, где часто появлялись совершенствующиеся, со временем возникал подобный базар, прозванный в народе «Ярмаркой бессмертных». Пускай сами заклинатели были ещё бесконечно далеки от истинного божественного ранга, для простых крестьян и горожан люди, умевшие парить в небесах и повелевать стихиями, ничем от богов не отличались.

— Впервые слышу, чтобы подобные ярмарки устраивали под покровом ночи, — заметил Чжоу Инь.

— И то правда! — подхватил парень. — Я как сам впервые проведал, так обомлел: чистый же чертополох, сущая бесовщина, то бишь мёртвый базар! Но у бессмертных господ свои причуды, не нам чета. Говорят, народу там в полночь собирается тьма-тьмушая, и редких диковин привозят куда больше, чем днём.

Получив щедрую награду и оценив мягкий, лишённый обычной надменности нрав гостя, слуга заговорщически понизил голос:

— Шепчутся ещё, будто ночная торговля оттого ведётся, что у тамошних товаров былая слава дурная. Ну, вещицы те, что при свете дня показывать боязно... краденое то бишь, оставшееся без хозяев. И продавцы, и покупатели пуще огня боятся, как бы прежний владелец не нагрязнул да права качать не стал. Сговорились по-быстрому, монетой обменялись, узелок за пазуху — и поминай как звали. Концы в воду!

«А в этом есть смысл», — подумал Чжоу Инь.

— Что ж, любопытно, — произнёс он вслух.

Слуга, почуяв интерес, заговорил ещё увлечённое:

— Вот-вот! Я и сам разок порывался пойти поглазеть, да моя баба в крик: «Не смей! — вопит. — Базар тот для небожителей устроен, простому люду туда соваться — только жизнь себе укорачивать!» Но нашлись ведь храбрецы, у которых любопытство страх пересилило. Один сказывал, там всё точно в чертогах Владыки Небесного! Вместо обычных ширм — водяные каскады, искрящиеся мириадами звёзд. Руку протянешь — и она сквозь воду проходит, будто сквозь воздух, а саму струю и не колыхнёшь, и за ней ничего не видать. Чудеса! А ещё сказывают, будто водятся там псы, которые человеческим голосом поют, а иные чародеи зачерпывают воду ковшом, брызгают кверху — и та застывает в небесах сверкающей серебряной лентой...

Парень продолжал увлечённо болтать, но Чжоу Инь его уже не слушал. Описанные чудеса были не более чем простейшими иллюзиями и фокусами, призванными пустить пыль в глаза доверчивым обывателям. Ничего действительно ценного из этих басен узнать бы не удалось.

— Я задержусь здесь ещё на несколько дней. Передай хозяину, пусть продлит постой.

— Сделаю в лучшем виде, милостивый господин! — заверил слуга и, поклонившись, покинул комнату.

Сейчас его совершенствование на среднем этапе Возведения Основания достигло пика. Чжоу Иню пора было готовиться к уединённой медитации, дабы пробить барьер и перейти на поздний этап. Вот только принесённых из секты духовных камней почти не осталось. Чтобы пополнить запасы, следовало распродать заготовленные талисманы, а заодно лично взглянуть на эту таинственную ночную ярмарку.

Чжоу Инь от природы отличался молчаливостью. Теперь же, когда слуга ушёл, тишина в комнате сделалась почти осязаемой. Комната казалась пустой и неудобной.

Будь здесь этот неугомонный пушистый комок, вечно пищавший и ластившийся к рукам, комната наверняка бы уже огласилась требовательным писком — зверёк непременно начал бы выпрашивать еду.

Он мельком глянул на кольцо Сумеру и оборвал нить этих размышлений.

«Я всегда был один. И впредь должен полагаться лишь на себя».

<http://bllate.org/book/18242/1748962>